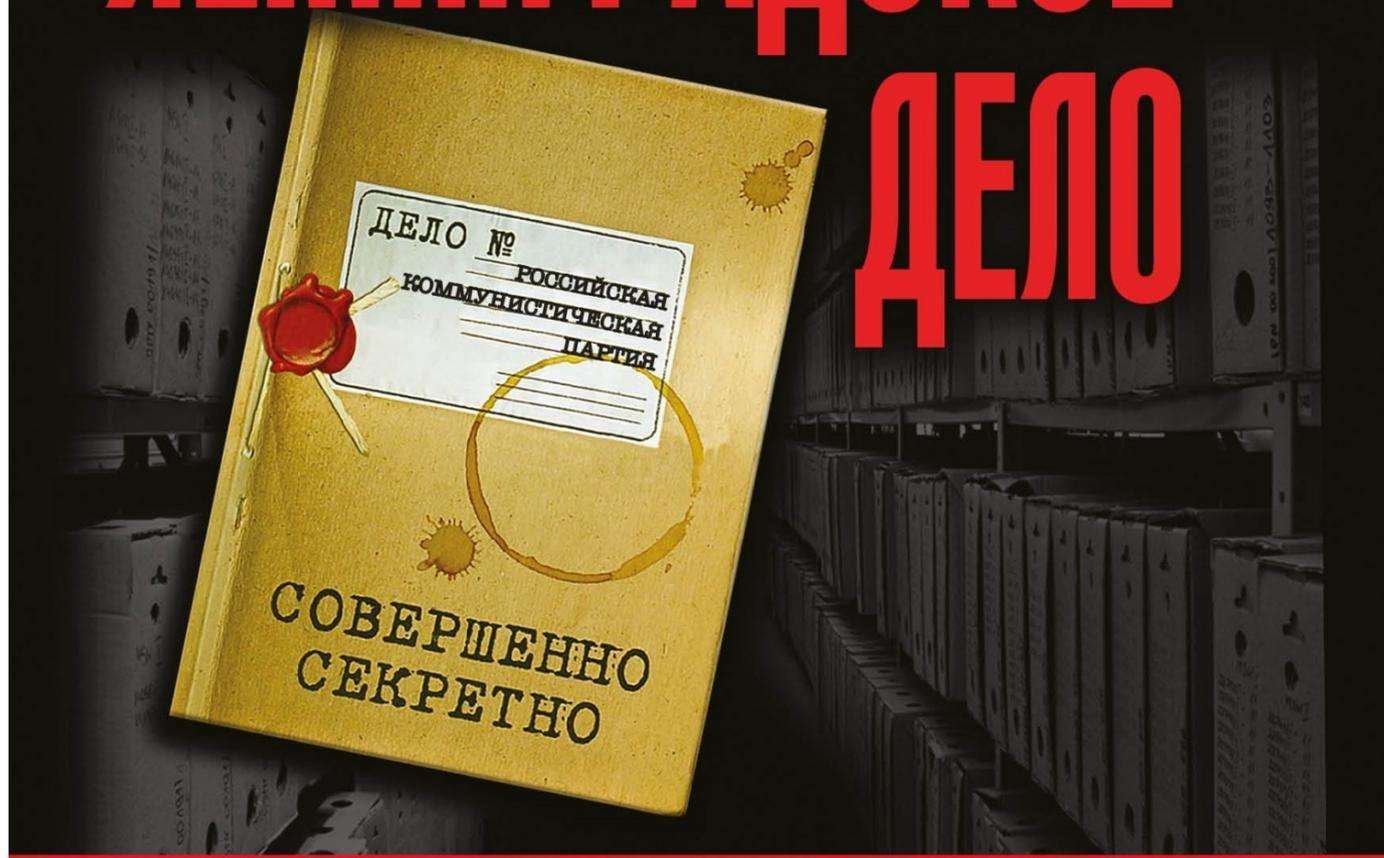

Владимир КУЗНЕЧЕВСКИЙ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО

ВСЯ ПРАВДА
О САМОМ ТАЙНОМ
ПРОЦЕССЕ СТАЛИНА

ИСТОРИЯ БЕЗ ГРИФА

«**СЕКРЕТНО**»

Владимир Кузнечевский

**«Ленинградское дело». Вся правда
о самом тайном процессе Сталина**

«Яуза»

2018

УДК 94
ББК 63.3

Кузнечевский В. Д.

«Ленинградское дело». Вся правда о самом тайном процессе Сталина / В. Д. Кузнечевский — «Яуза», 2018

ISBN 978-5-6040913-8-8

НОВАЯ книга известного историка, доктора исторических наук, В.Д. Кузнечевского посвящена одному из самых загадочных и малоизученных преступлений Сталинской эпохи - массовым репрессиям, в том числе и физическому уничтожению партийной и государственной элиты в 1949—1953 годах. Подробный анализ ранее засекреченных архивных документов и воспоминаний выживших участников этих трагических событий позволил не только назвать действительных авторов знаменитого «ЛЕНИНГРАДСКОГО ДЕЛА», раскрыть подлинные причины его возникновения, восстановить истинный ход этого процесса, но и понять многие острые проблемы современной России, пролить свет на то почему 12 июня 1990 года съезд народных депутатов РСФСР принял решение о провозглашении независимости России от Советского Союза. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-6040913-8-8

© Кузнечевский В. Д., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

От автора	6
Введение	12
Глава 1	16
Сталин отказывается от интернационализма и русофобии академика Покровского	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Кузнечевский «Ленинградское дело». Вся правда о самом тайном процессе Сталина

© Кузнечевский В.Д., 2018
© ООО «Яуза-каталог», 2018

От автора

Четвертая (по счету) президентская каденция Владимира Путина (2018–2024 гг.)¹ началась со вполне ожидаемой для публики неожиданности – глава российского государства шагнул в предстоящее ему шестилетнее управление страной с неизменным кадровым составом правительства. С тем самым правительством Дмитрия Медведева, которые в предыдущие шесть лет твердо и последовательно завело экономику страны в состояние застоя². Если обратиться к цифрам, то расчеты А. Кудрина показывают, что в нулевые годы XXI столетия страна жила с темпами роста ВВП в 7 % в год, экономика обновлялась, а последние 10 лет, в 2008–2017 годах, страна переходила от кризиса к кризису с ростом в среднем около 1 % в год. Но в особенности провальными стали последние 6 лет – по данным Кудрина, рост составлял около 0,7 % в год.

Словосочетание «ожидаемая неожиданность» автором настоящего текста употреблено потому, что в течение всего 2017 года большинство ведущих российских экспертов предупреждало главу государства, что если он в случае победы на президентских выборах в 2018 году не откажется от услуг правительства Д. Медведева, то уже в ближайшие годы экономику страны ожидает глубокий экономический (а весьма вероятно и социальный) кризис³. Но одновременно с этим эксперты выражали опасения, что президент не станет внимать никаким советам и на кадровую смену в составе правительства не пойдет. Ровно именно это после президентских выборов 2018 года и произошло.

Да, новых фигур управленцев практически не появилось. Но проблема-то, как считают историки, не в нежелании президента «не видеть» новые кадры, а в бедности выбора. В 2015 году в книге «Кадровая политика Владимира Путина» я на основе анализа исторического материала попытался показать, что причины некоторых кадровых неудач президента (о которых пишет наша пресса) в последние два десятка лет корнями своими уходят в советскую историю, и в том числе и в т. н. «Ленинградское дело». Коротко говоря, политические события в Советском Союзе в 1949–1953 годах оказали существенное влияние на нынешнюю экономическую, социальную, политическую и идеологическую ситуацию и прежде всего в том, что В. Путин столкнулся с острой нехваткой управленческих кадров. Представленный в настоящей книге материал (архивные документы, их анализ и мои собственные размышления на этот счет) показывает, как официальный заместитель Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Андрей Александрович Жданов с 1932-го по август 1948 года настойчиво и целеустремленно, в буквальном смысле в ручном режиме, поштучно, отбирал и выдвигал в верхние этажи власти талантливых управленцев, которые свою главную задачу видели в существенном улучшении материального положения населения РСФСР, то есть собственно России.

Но после смерти Жданова в августе 1948 года почти все эти выдвиженцы были уничтожены Сталиным и его клеветами: Маленковым, Берией, Хрущевым, Абакумовым. Собственно говоря, изучение доступного на сегодня исторического материала показывает, что трагические события 1949–1953 гг. задержали развитие России не менее, чем на 50 лет, прежде всего в силу массовых репрессий по отношению к управленческим кадрам русского происхождения.

---

¹ Каденция (*ит. муз.*) – виртуозный пассаж или большая вставка, первоначально импровизационного характера, представляющая собой свободную фантазию на главные темы концерта; обычно исполняется солистом без аккомпанемента оркестра

² Определение «Застой» по отношению к экономическому развитию РФ в течение всего 2017 года регулярно употребляется главой президентского Совета Центра стратегических разработок Алексеем Кудриным (в четвертой каденции В. Путина Алексей Кудрин назначен председателем Счетной палаты РФ).

³ См. подробно: *Кузнецhevский В.Д.* Эпоха Владимира Путина. К вопросу об исторической миссии второго президента России. М.: Центрполиграф, 2018, с. 5–23.

Одной из главных целей предлагаемой книги стало стремление автора ответить на вопрос, **ПОЧЕМУ** Сталин с такой жестокостью расправился в 1949–1950 годах с, условно говоря, «ленинградцами» и потом до самой смерти на ослаблял политические репрессии в отношении руководящих кадров русского происхождения. По мнению автора книги, ответ очевиден: Генсек всю жизнь панически боялся массового пробуждения русского национального самосознания, видя в нем настоящую угрозу для своей безраздельной власти в СССР. В этом плане ему при жизни удалось многое. Но не всё, и не в окончательном виде.

Сталину удалось только отодвинуть во времени неизбежный ход Истории. Дело, за которое «ленинградцы» положили свои жизни, через 40 лет после смерти Сталина было продолжено. Понимание истины, открытой «ленинградцами» ценою своих жизней, всё равно пришло к народу в конце горбачевской перестройки. Провозглашение Съездом народных депутатов 12 июня 1990 года независимости России от союзного советского центра фактически стало продолжением дела «ленинградцев». При всем критическом отношении нашего народа к Борису Ельцину, а оно адекватно и Борисом Николаевичем заслужено по праву, следует тем не менее признать, что первый президент новой, независимой России, возглавив процесс политического выделения РСФСР из Советского Союза, инстинктивно своей политической линией ответил на чаяния именно русского, а не советского, народа и потому и одержал триумфальную победу над М. Горбачевым.

Иное дело, что довести этот процесс до логического конца у Ельцина не получилось (исторические условия ещё и сейчас до конца не вызрели для этого), да и возглавлял он этот процесс, что называется, чисто по-русски, то есть через пень да колоду, но исторический тренд Ельциным был ухвачен верно.

Судя по всему, политически приемлемая для всех существующих на географической территории Российской Федерации наций и народностей форма (формула) разрешения русской проблемы не будет найдена и в современную нам **путинскую эпоху**, то есть до, примерно, 2030 года, но движение в этом направлении открыто, и многонациональный народ России никогда не забудет тех, кто в новейшей истории принес свою жизнь, судьбу и своё имя в жертву этому Делу: придет время, и в Российской Федерации благодарный народ ещё будет воздвигать этим первопроходцам достойные им памятники.

«Ленинградцы», впрочем, ведь только прикоснулись к главному **табу** большевистского политического режима – попытались (только попытались) заявить о том, что русскому народу необходимо вернуть, отнятое у него октябрьским переворотом 1917 года достойное его исторической роли место в российском государстве. Причем не в идеологическом и политическом плане, а всего лишь по условиям жизни в сфере экономики (уровень доходов, состояния инфраструктуры русских городов и весей и т. д.). Повторюсь – только прикоснулись. Но даже эта скромная попытка столь сильно напугала Сталина, что он подверг физическому уничтожению всех сторонников этой идеи и до самой своей смерти жестко преследовал всех близких родственников «ленинградцев» и тех, кто, как ему казалось, мог разделять взгляды А. Жданова, братьев Вознесенских и их единомышленников. В 1949–1950 годах были расстреляны и умерли во время допросов 29 высших и высоких представителей руководства РСФСР и СССР, не считая доведения до инфаркта А.А. Жданова в августе 1948 года.

Ав целом до 1953 года было, по позднейшим оценкам, репрессировано (поражены в правах, сняты с работы и т. д.) более 32 тысяч этнических русских управленцев. Точной цифры нам уже не узнать никогда, так как и архивы «знают» далеко не всё. Да и сами архивы после смерти Сталина оказались довольно сильно «прочищены» Хрущевым и Маленковым. А ещё и потому что Сталин категорически запретил Маленкову и Берии даже всякое вербальное упоминание о «Ленинградском деле»: сильно был испуган. Метастазы этого запрета ощущаются ещё и сегодня.

А прогос замечу, так сильно за судьбу своей личной власти Сталин был напуган только дважды в своей жизни – в начале 1930-х и в конце 1940-х годов. На первом этапе начатой им тотальной войны против русского крестьянства во время коллективизации русская деревня в буквальном смысле встала на дыбы. Крестьянские восстания массово запылали по всей России и Украине⁴. На Кремль пахнуло «антоновщиной» из 1921 года. Этим восстаниям недоставало только наличия такого вождя, каким в 1920–1921 году на тамбовщине оказался начальник уездной милиции, член партии эсеров Александр Антонов. Вождь большевиков был тогда столь сильно напуган, что приказал остановить процесс коллективизации, разрешил крестьянам выход из колхозов и 2 марта 1930 г. опубликовал в газете «Правда» статью «Головокружение от успехов». А в ответ на поток возмущенных протестов с мест от большевистских партаппаратчиков, загонявших крестьян в колхозы с помощью НКВД, частей Красной Армии, артиллерийской стрельбы и бомбежки с воздуха по восставшим деревням, направил закрытое письмо членам ЦК ВКП(б), где пояснил: если мы сейчас временно не отступим, то народ просто-напросто перебьет весь наш партактив.

Истины ради надо заметить, что в борьбе за свою власть Сталин смертельно опасался не только формирования национального самосознания у русских, но и у ещё у одной нации – у евреев. А пуще всего – идеологического сплочения русских и евреев. По-видимому, по этой причине на закате своей жизни Сталин провел не одну репрессивно-карательную операцию, которые можно четко квалифицировать по этническому признаку, а две. Физическое истребление русских руководителей высшего и высокого звена, сопровождаемое массовыми кадровыми чистками этнического характера, совпало с изгнанием этнических евреев из среды руководящих кадров в политической, научной, культурной, издательской и т. п. сферах общественной жизни. Как представляется мне, совпадение этих двух акций не было случайным, евреев Сталин сознательно «пристегнул» к «Ленинградскому делу». Но осуществлял он это, как всегда, как бы не сам лично, а через своих клеветов.

Сталин вообще, по-видимому, в силу особенностей своей восточноазиатской, кавказской, культуры предпочитал, чтобы негативные (и уж тем более жесткие, а часто и жестокие) решения по тому или иному человеку или ситуации формулировал не он сам напрямую, а кто-либо из его близкого окружения. Это окружение должно было (обязано было) догадываться о том, какие мысли на этот момент бродят в голове «хозяина», и высказывать их вслух, а уж Сталин одобрял или не одобрял их вслух. Те же, кто не принимал такую манеру своего поведения возле вождя, долго не жили. Впрочем, и те, кто принимал этот алгоритм, тоже часто заканчивали плохо, о чем свидетельствует судьба личного секретаря Сталина А. Поскребышева, начальника личной охраны вождя Н. Власика, министра госбезопасности В. Абакумова, других.

Так, 23 марта 1950 года министр госбезопасности СССР В.С. Абакумов направляет Сталину письмо, где сообщает, что по «Ленинградскому делу» МТБ СССР «**вновь** пересмотрело законченные следственные дела и подготовило список на 85 арестованных изменников родины, шпионов и подрывников-диверсантов» и «просит разрешения вынести всем фигурантам обвинительное заключение и применить к ним смертную казнь». Первые 69 поименованных действительно проходили у Абакумова по т. н. «Ленинградскому делу», а вот последние 16 фамилий никакого отношения к «ленинградцам» не имели, это были члены Еврейского антифашистского комитета Соломона Михоэлса (настоящее имя – Шлоймэ Вовси) [1890 – 13.01.1948]. Сталин на списке написал: «разрешить» и направил его по членам Политбюро ЦК. Свою подпись поставил последней [ГАРФ. «Особая папка» И.В. Сталина].

---

⁴ См. подробно: *Кузнецhevский В.Д.* Сталинская коллективизация – ошибка ценою в миллионы жизней. М.: РИСИ. 2015, с. 63–78; *Cohen S.F.* Buharin i Boljsevicka Revolucija. Politicka biografija. 1888–1938. Rijeka. Otakar Kersovani.1980, s. 314, 429.

В.С. Абакумов «слил» в одном списке фигурантов, проходящих по абсолютно разным судебным делам, совсем не по своей личной инициативе, а предварительно испросив на это разрешения вождя. Так же, впрочем, было принято решение и по убийству первого января 1948 года в Минске Соломона Михоэлса [См. на этот счет Записку Л.П. Берии в Президиум ЦК КПСС на имя Г.М. Маленкова от 02.04.1953 г. и показания по этой теме В. С. Абакумова, находящегося на этот момент в тюрьме – ГАРФ. «Особая папка» И.В. Сталина].

Надо заметить, что Виктор Семенович Абакумов был человеком очень сложной судьбы. Сын истопника и прачки, получивший образование в четырехклассном городском училище, как в свое время и министр внутренних дел СССР Н.И. Ежов, он внес очень весомый вклад в победу Красной Армии над гитлеровским Вермахтом, возглавив в 1943 году по личному приказу Сталина Главное управление контрразведки РККА-СМЕРШ. Но он же показал себя верным палачом Сталина в деле фальсификации «Ленинградского дела», т. н. «дела врачей» и т. д. Но это поведение не спасло его, в 1951 году «хозяин» приказал арестовать Абакумова, применить к нему пытки во время допросов (а «вы побейте его» сказал он Берии), в результате которых Абакумов был искалечен. Не менее жестоко повел себя в отношении Абакумова и Хрущев, распорядившийся в декабре 1954-го расстрелять бывшего министра госбезопасности СССР.

Анализ доступных на сегодняшний день архивных документов понуждает прийти к выводу, что Сталин в течение всей своей политической жизни испытывал неподдельный страх за судьбу своей власти именно со стороны двух этих этнических общностей и в общем-то и не сильно скрывал это. В личных бумагах вождя сохранилось письмо сестры Ленина Марии Ильиничны, написанное во второй половине 1920-х годов, где она обращает внимание Генсека на то, что Владимир Ильич очень высоко ценил организаторские способности евреев и наставляет Сталина не забывать об этом. Вождь не стал удостаивать Марину Ильиничну ответом, письмо положил в свой архив, но данный ему совет запомнил и в конце своей жизни устроил жесткое кровопускание и русским, и евреям, поскольку сильно опасался спайки между русскими и евреями против себя. В последние годы своей жизни он, по-видимому, считал, что в этом ракурсе может наступить критический момент для его личной власти и потому одновременно (в 1948 г.) приказывает Абакумову физически уничтожить Соломона Михоэлса, разгромить Антифашистский еврейский комитет и открыть судебный процесс по т. н. «Ленинградскому делу». Надо заметить, что русским в той ситуации повезло меньше, чем евреям, до массовых казней и репрессий последних не дошло, так как в ночь на 1 марта 1953 года Сталина разбил смертельный инсульт.

Русским «повезло» меньше и в публичном освещении этих двух событий на закате сталинского периода в истории нашей страны: о репрессиях по отношению к евреям и у нас в стране, за рубежом пишут постоянно и много, а о т. н. «Ленинградском деле» – крайне скупно.

Приходится констатировать, что в «Ленинградском деле» и на сегодняшний день остается очень много недоговоренностей и просто «белых пятен». Выяснилось, в частности, что всё это «Дело» было инспирировано лично Сталиным, но прямых указаний на это в существующих государственных архивах практически не осталось. И даже там, где в черновиках постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) по «Ленинградскому делу» Г. Маленков попервоначально «заделывал» подпись – «Секретарь ЦК И. Сталин», вождь аккуратно вычеркивал эту подпись и своей рукой вписывал: «ЦК ВКП(б)».

Как уже отмечено выше, сложность поисков истины в «Ленинградском деле» была обусловлена ещё и тем, что архивные документы по этому «Делу» после смерти Сталина были существенно «почищены» участниками фальсификации этого процесса. В исторической литературе при этом чаще других упоминается имя Г. Маленкова. Однако, на мой взгляд, «чемпионом» здесь следует считать Н.С. Хрущева.

Как удалось выяснить на основе изучения крайне скудных (конкретно на этот счет) мемуаров и косвенных свидетельств современников, Президиум ЦК КПСС на следующий день после смерти Сталина поручил «привести в порядок бумаги тов. Сталина» Маленкову, Берия и Хрущеву. Но Никита Сергеевич, перехватил инициативу у своих «подельников» и в то время как первые двое были заняты «более важными делами» – делили между собою властные функции в государстве – Хрущев с помощью своего старого знакомого, первого заместителя министра внутренних дел Ивана Серова (в бытность Хрущева первым секретарем ЦК КП Украины Серов был членом Политбюро ЦК КП Украины) в первые же недели после смерти Сталина сумел убрать из архивов все упоминания о своем участии в «Ленинградском деле». В результате в январе 1955 года и июне 1957 года Пленумы ЦК КПСС «назначили» основными ответственными за организацию этого преступления Берия и Маленкова. По первоначальному плану работы над этой темой именно из этой посылки приходилось исходить и мне.

Но с годами, по мере погружения во все более широко открывающиеся архивные документы и в результате анализа информации, полученной из многочисленных личных бесед с выжившими участниками этих событий во мне крепло убеждение, что корнями своими вопрос этот связан с личным активным участием в нем Иосифа Сталина. Постепенно убедился я и в том, что Н. Хрущев, много сделавший в середине 1950-х годов, чтобы «перевалить» ответственность за это преступление на Маленкова, Берия, Абакумова, по сути, «замагил» настоящую роль Сталина в этом событии и сделал это только с одной целью – снять ответственность за участие в этом преступлении с себя самого.

Весьма интересно, что подтверждение этой позиции не так давно появилось из-за океана, когда практически одновременно со мной к тем же выводам пришел профессор Гарвардского университета Терри Мартин. В 2001 году на основе многолетнего изучения советской истории он опубликовал монографию «Империя положительной деятельности»⁵, где, анализируя столкновение И. Сталина с В. Лениным в 1922 году по поводу образования Советского Союза, пришел к выводу: «Из высказываний И. Сталина видно, что причиной его разногласий с Лениным был русский вопрос. Но, сохраняя РСФСР, вместо того, чтобы создать СССР, И. Сталин не собирался усиливать позиции русских, наоборот, он хотел их ослабить. Больше всего он боялся отдельной русской республики»⁶.

Следует также отметить, что в современной российской литературе серьезное освещение проблемы, связанное с русским вопросом, начинает набирать всё большую силу. Так, в 2013 году одновременно с названной выше небольшой монографией вышла в свет книжка Святослава Рыбаса «Московские против питерских: Ленинградское дело Сталина». Интереснейшие суждения и выводы автора хоть и могут вызвать у читателя возражения, но в целом нельзя не согласиться с Рыба-сом в том, что «в человеческом и историческом плане «Ленинградское дело» продолжается до сей поры в силу ряда обстоятельств», что «русское государство всегда было великой ценностью и великой тяготой для русских», но что «созданное русскими государство никогда не было чисто русским и не однажды переживало потрясения, вызванное как раз сопротивлением русского же населения имперской политике руководителей страны», а «разрушение СССР, обособление национальных республик и «освобождение» России от имперской миссии не привело к победе «русской национальной идеи».

---

⁵ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939/[пер. с англ. О.П. Щёловой]. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 855 с. *Terry Martin.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press. Ithaca and London.

⁶ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939/[пер. с англ. О.П. Щёловой]. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 855 с. *Terry Martin.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press. Ithaca and London.

Святослав Юрьевич, как мне кажется, совершенно верно обнаруживает противоречие между «русской национальной идеей» и исторически имперской формой существования нашего государства. К сожалению, он не стал раскрывать содержание этого противоречия.

Разумеется, автор настоящего издания далек от того, чтобы претендовать на окончательное концептуальное решение той сложнейшей проблемы, которую высветило т. н. «Ленинградское дело». Нет, конечно. Но подтолкнуть людей к размышлению над нашей исторической судьбой – в этом плане рассказ о «Ленинградском деле» помочь нам может.

Коммунистическая партия так и не смогла решить русский вопрос, то есть каким должен быть статус РСФСР и русской нации в СССР.

Вячеслав Молотов. 1980 г.

Из бесед с Феликсом Чуевым

Введение

Когда современные историки обращают внимание на то, что в социальном, политическом, да и в историческом плане «Ленинградское дело» в силу целого ряда обстоятельств продолжается до сей поры, это имеет свои причины. Прежде всего – в силу прочной связи этого события с ролью в нем Иосифа Сталина.

Дело в том, что в исторической литературе, и российской, и зарубежной, к сталинской эпохе обычно относят период с апреля 1922 года, когда Иосиф Джугашвили был по рекомендации Ленина избран на пленуме ЦК РКП(б) генеральным секретарем ЦК, и до даты его смерти 5 марта 1953 года, то есть 31 год. Как представляется мне, такая датировка не отвечает истинному положению дел, так как в СССР и после 1953 года в основных своих параметрах действовала политическая система общества, созданная Сталиным (и, замечу, в немалой степени в том, что касается организационных начал функционирования российского общества, действует и сегодня).

Разумеется, после смерти Сталина ушли в прошлое гигантских масштабов «сталинские репрессии», но созданная им система государственной организации жизни во многом сохранила свои черты. Партийный аппарат по-прежнему, как и при Сталине, непосредственно руководил всем общественным развитием страны, а послесталинские лидеры КПСС (Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко и Горбачев), оставаясь генеральными секретарями ЦК, обладали абсолютной властью в стране вплоть до распада СССР в декабре 1991 года. Практически без существенных изменений продолжали действовать и такие важные гражданские и социальные институты, как судебная система, пенсионная и другие, мало что изменилось и в целом в деятельности государства по отношению к частной жизни граждан. Таким образом, сталинская система власти в отношении к гражданской жизни общества продолжала действовать не только после 1953-го, но во многом даже и после 1991 года.

Что же касается исторического периода, связанного с собственным именем Сталина, то на фоне более чем тысячелетней истории России этот срок хоть и составляет ничтожно малую величину – чуть более 1 %, но, судя по всему, ничтожно малая эта величина оказалась навечно впаянной в судьбы не только нынешнего поколения российских граждан, но и многих последующих. Обусловлена эта зависимость не только тем, что были в ней как большие достижения в экономической, военной и социальной сферах, так и тем, что сопровождалась она, эта эпоха, и не менее значимыми преступлениями перед обществом и конкретными гражданами со стороны власти. Не стану оспаривать, достижения очевидны, однако чем дальше по времени они отстоят от нас, тем неоднозначнее выглядят их результаты (это относится даже к войне 1941–1945 гг.). А вот к оценке преступлений сталинского режима подход более определенный, потому что несправедливое со стороны государства лишение жизни или свободы даже одного человека заслуживает безусловного осуждения, так что же говорить о репрессиях со стороны власти в отношении миллионов людей?

Репрессиям со стороны сталинского режима подвергались представители всех наций, народов и народностей, проживающих на территории СССР. Но более всего от них пострадал русский народ. И не только потому, что он был самым многочисленным. А ещё и потому, что, как уже было сказано выше, только в нём Сталин усматривал основную угрозу созданному им политическому режиму – т. н. сталинизму, и в ещё большей степени – созданному Лениным и сохраненному Сталиным искусственному государственному образованию – Советскому Союзу.

Сегодня, когда для исследователей открылись многие архивы советского времени, стало ясно, что самый большой урон русскому народу сталинские репрессии нанесли в процессе коллективизации 1929–1935 годов и в дальнейшие годы, когда был полностью уничтожен весь

активный слой русского крестьянства, который, собственно, и был русским народом. Как представляется мне, именно в эти годы был надломлен дух пассионарности в русском народе. А вторым актом в этом процессе стало т. н. «Ленинградское дело».

О внешней канве этого преступления сегодня знают все. Но по сути, как справедливо отмечают современные эксперты, «Ленинградское дело» и сегодня остается одним из самых **загадочных и малоизученных** судебных процессов сталинского времени»⁷.

Более того, ни историческая наука, ни общественность России до сегодняшнего дня не определились даже с тем, как следует относиться к фигурантам этого «Дела» – одна часть историков и публицистов считает, что Сталин «правильно расстрелял» фигурантов этого «Дела», поскольку они-де действительно «совершили преступные деяния». Другие однозначно относят их к несправедливым жертвам сталинских репрессий.

Трудности в освещении этого события действительно есть. Документов об этом «Деле» в государственных архивах осталось мало, но и те, что есть, до сих пор открыты далеко не все, хотя со дня безжалостной расправы над «ленинградцами» прошло уже около 70 лет (в частности, исследователям до сих пор недоступны протоколы допросов братьев Вознесенских и других фигурантов, непонятно, что происходит с архивным делом министра госбезопасности В. Абакумова и т. д.). Работники государственных архивов в ответ на мой вопрос, *почему* для исследователей открыта только часть документов по этому «Делу» и *когда* будет окончательно с них снят гриф закрытости, на второй вопрос отвечают: не раньше, чем через 20–25 лет. А на первый просто молча разводят руками.

Но дело не только в недоступности архивов.

В отношении гонимых в этот же период евреев (дела т. н. «космополитов», «врачей-вредителей») существует довольно многочисленная литература. Есть даже фундаментальные исследования, например, основательная, изобилующая многочисленными подробностями, работа Г.В. Костырченко «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм» (2003 г.). А вот литература о репрессиях в отношении русских руководителей в те же годы едва насчитывает какой-нибудь десяток публикаций в жанре статей или частично затрагивается в книгах, написанных совсем по другим темам.

При этом палачей «Ленинградского дела» вниманием не обходят. Давно уже существуют специальные монографии, посвященные биографиям тех, кто организовывал «Ленинградское дело», подвергал его фигурантов физическим пыткам (много пишут о Берии, Маленкове, Абакумове, даже Булганине), а вот до написания биографий членов семьи Вознесенских, Кузнецова, Попкова, Родионова, Бубнова, А. Жданова, Вербицкого, других у историков руки ещё не дошли.

Что же касается информации о самом этом событии, то на Западе, например, те, кому положено было, о «Ленинградском деле» знали практически всё. Но популярным оно там так и не стало. И это вызывает вопросы. Почему об уничтожении партийных деятелей и командных кадров Рабоче-крестьянской Красной Армии во второй половине 1930-х годов и гонениях на евреев конца 1940-х годов за пределами нашей страны существует обширнейшая историческая и публицистическая литература, а «Ленинградское дело» 1949–1953 годов практически сохраняется в зоне умолчания?

Как представляется мне, ответ на этот вопрос кроется в национальности репрессированных. В 1930—1940-е годы гонениям и репрессиям подверглось много лиц еврейского происхождения, и потому пишут об этом и у нас, и за рубежом тоже преимущественно евреи. Ав

---

⁷ Как написал в небольшой, но очень ёмкой публикации безвременно ушедший из жизни к.и.н., обозреватель «Независимой газеты» С.В. Константинов (1968–2001), книгу очерков которого в 2008 году опубликовали его товарищи по журналистскому цеху О.В. Давыдов, А.Ч. Касаев, В.Э. Молодяков, «Ленинградское дело» до конца никогда не будет распутано не только потому, что Маленков в 1957 г. лично уничтожил материалы по этому делу, но и потому, что в самих этих документах правда и ложь просто неразличимы».

«Ленинградском деле» удар Сталина почти на 100 % пришёлся по этнически русской элите. Вот в национальной психологии историков и публицистов и надо искать объяснение замалчиванию этого события. Евреям (и отечественным, и зарубежным) о русских жертвах писать не интересно, а русские историки в массе своей всегда почему-то мало интересовались судьбой своих соплеменников. Но дело не столько в национальном происхождении исследователей, сколько – в геополитическом цивилизационном противостоянии англо-саксонского и романо-германского мира с русской православной цивилизацией (если воспользоваться терминологией крупнейшего в XX веке историка британского происхождения Арнольда Тойнби).

Русский «флёр» этого «Дела» просто отпугивает от него американских историков: эти никогда не станут будить интерес к опасным для них (с геополитической точки зрения) событиям русской истории (по большому счету у англо-саксонского политического класса по обе стороны Атлантики с XVIII века не было более постоянного в мире конкурента и соперника, чем Россия. Похоже, так обещает быть и в XXI веке). Причину этого опасения очень точно, на мой взгляд, определил кандидат исторических наук Л. Решетников: «Запад, – написал он в 2013 году, – никогда не боялся большевистской идеологии, которую он сам и вскормил. Он не боялся диктатуры И. Сталина, пока речь шла о диктатуре руководителя ВКП(б). Но Запад и советская номенклатура смертельно боялись возрождения исторической России.

В связи с этим примечательны слова одного из видных западных идеологов С. Хантингтона (1927–2008): «Конфликт между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом был конфликтом идеологий, которые, невзирая на все различия, хотя бы внешне ставили одни и те же основные цели: свободу, равенство и процветание. Но Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немыслимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдаленными и враждебными»⁸.

Одновременно с Хантингтоном к такому же выводу пришел и ученый прямо противоположных мировоззренческих позиций знаменитый американский историк и экономист британского происхождения Энтони Саттон (1925–2002).

В целой серии своих написанных в США книг Саттон на основе анализа массивной документальной базы убедительно показал, что с начала XX века американским политическим классом надежно управляют банкиры с Уолл-Стрит. Именно они, считал он, взрастили большевистский режим в России, начиная с 1920 годов, и фашистский режим в Германии в 1930-е годы. В том, что касается России, Саттон считал, что американские финансовые воротилы «могли согласиться и на централизованную царскую Россию, и на централизованную марксистскую Россию, но никак не на децентрализованную свободную Россию»⁹.

По большому счету другой причиной существования «фигуры умолчания» является, вероятно, то, что речь идет не столько об отношении к фигурантам «Ленинградского дела», сколько о том, что российская историческая наука с 1956 года (со времени XX съезда КПСС) никак не может выработать единого подхода к исторической оценке сталинского феномена в целом.

---

⁸ Решетников Л.П. Вернуться в Россию. Третий путь, или Тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2013, с. 186–187.

⁹ Цит. По: Романов П.В. Россия и Запад на качелях истории: От Александра III до Сталина. СПб.: Амфора, 2015, с. 282. Одна из наиболее известных книг Э. Саттона «Trilaterals over America» («Америка во власти Трёхсторонней комиссии») была им опубликована в 1979 году, после чего по настоянию Белого Дома Саттон был лишен финансирования своих исследований в Гуверовском институте Стэнфордского университета (США). Исходя из приведенной выше цитаты Саттона и целой серии опубликованных им книг, становится понятным, почему именно В. Путин, начиная с 2005 года, вызывает такую неприкрытую ненависть Уолл-Стрит и верхушки политического класса США.

Литература о «Ленинградском деле» крайне невелика. Наиболее полную библиографию по этому событию по состоянию на 2015 год представил профессор советской истории Ричмондского университета США Д.Л. Брандербергер¹⁰. На международной конференции «Советское государство и общество в период позднего сталинизма 1945–1953 гг.», состоявшейся 4–6 декабря 2014 года в Твери, он представил специальное исследование «О роли РКП(б) в «Ленинградском деле», где назвал все имеющиеся на тот момент российские и западные источники, посвященные этому событию. Всего по состоянию на 2015 год Бранденбергеру удалось обнаружить 37 публикаций, в той или иной степени касающихся «Ленинградского дела», в том числе и монографии Кузнечевского и Рыбаса. При этом им особо перечислены архивные ссылки, как российские – РГАСПИ, РГАНИ, ЦГАИПД СПб, ЦА ФСБ РФ, так и американские: The Dmitrii A. Volkogonov Papers (US Library of Congress, Washington, DC USA)¹¹.

И тем не менее, проведенные мною в течение нескольких лет изыскания позволяют сегодня в целом более или менее уверенно говорить как об основной канве этого «Дела», так и о его действительных причинах и последствиях для нашей (русской) послевоенной истории.

---

¹⁰ Дэвид Бранденбергер, г.р. 1970, автор книги «Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания». СПб., 2009.

¹¹ См.: Д. Брандербергер. О роли РКП (б) в «Ленинградском деле» в: Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953. Материалы VII Международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: РОССПЭН, 2015, с. 17–25.

Глава 1

Вынужденная реабилитация государствообразующей роли русского народа

Как верно подмечают сегодня многие российские историки, при всем при том, что главным вопросом совершенного по настоянию Ленина октябрьского переворота в 1917 году была совсем не забота об улучшении жизни русского народа, а мировая революция, на алтарь победы которой большевики готовы были принести в жертву и саму Россию, и её народ¹². Но и уйти от русского вопроса большевики не могли с самых первых дней захвата ими власти. Это-то обстоятельство и признал В.М. Молотов на закате своей жизни в 1980 году, когда в беседе с Феликсом Чуевым произнес: «Коммунистическая партия так и не смогла решить русский вопрос, то есть каким должен быть статус РСФСР и русской нации в СССР».

Но, как станет ясно из последующего изложения материала, по-настоящему мучил этот вопрос Сталина и таких близких его соратников, каким был Молотов. Для Ленина здесь с самого начала никаких противоречий не существовало. Уже через четыре дня после Октябрьского переворота Ленин в буквальном смысле на колене спешит написать и обнародовать документ, где на десятилетия вперед столбит свою политическую волю для будущего государства, которое должно будет заменить собой ненавистную ему Россию – для Советского Союза.

Уже 2(15) ноября 1917 года Ленин от имени созданного им правительства Российской Республики собственноручно пишет «Декларацию прав народов России», где фактически было объявлено, что в результате Октябрьской революции на территории бывшей Российской империи закончилось своё существование старое государство, базировавшееся на воле русского народа, а на его месте – «остаются только **народы России**, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно» (сохранена орфография Ленина. – *Вл. К.*).

Ленинский документ не оставлял никаких сомнений в том, что отныне с такой категорией, как **русская нация**, которая, в силу своего объективного положения, ранее объединяла все слои населения российского общества, покончено навсегда и теперь в стране существует только образование рабочих и крестьян, которым противостоит класс мировой буржуазии. Это эпохальное новшество исторического значения закреплялось в следующих словах: прежняя Россия «отныне должна быть заменена политикой **добровольного и честного** союза народов России... Только в результате такого союза, – подчеркивалось в этом эпохальном документе, – могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу, способную устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии».

Во исполнение воли первого и второго съездов Советов «Совет народных комиссаров, – заявлялось в Декларации, – решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

- 1) **Равенство и суверенность народов России.**
- 2) **Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.**

---

¹² В среде послеоктябрьской эмиграции ещё в ноябре 1917 г. получила широкое хождение брошенная Лениным в беседе с одним европейским революционером фраза: «Дело не в России, на неё, господа хорошие, мне наплевать, – это только этап, через который мы проходим к мировой революции». *Тополянский В.* Сквозняк из прошлого. М.: ИНАПРЕСС, 2006, с. 57.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»¹³, (выделено Лениным. – *Вл. К.*).

Документ был подписан следующим образом:

«Именем Республики Российской

Народный комиссар по делам национальностей Иосиф Джугашвили-Сталин.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)».

Как следовало из текста этого наспех написанного документа, главная его цель заключалась в том, чтобы воплотить в действительность давнюю мечту Ульянова-Ленина – покончить в России с государствообразующей ролью русской нации, русского народа, с этой «великодержавной швалью», как позже, уже перед смертью, когда у разрушенного болезнью физического организма уже не оставалось сил сдерживать свои эмоции, выразился Ленин¹⁴.

Как сейчас становится ясно, в критических условиях политического переворота Ленин в полной мере отдавал себе отчет в том, что в тот момент он ещё не мог **открыто** выразить всю свою неприязнь к русскому народу¹⁵ (позже он это сделает публично), и потому при подписании Декларации вождь всемирного пролетариата «спрятался» за Джугашвили-Сталина, поставив его подпись первой.

Позже нарком по национальным делам свою позицию, отраженную в совместном с Лениным тексте Декларации, изменит, и не один раз, но в принципе Сталин всю свою сознательную жизнь оставался большевиком, то есть верным ленинцем, и, как будет показано ниже, к русскому народу у него всегда будет сдержанное, а по большей части и негативное отношение, поскольку именно здесь он, как и Ленин, будет усматривать главную угрозу для своей личной власти. Отсюда, собственно, и начинают «расти ноги» будущего «Ленинградского дела», ещё с 1920-х годов.

---

¹³ Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957, с. 39–40.

¹⁴ В апреле 1923 г. И. Сталин в своем докладе на XII съезде РКП(б) эту политическую задачу расшифрует подробно. «Со времени Октябрьской революции, – скажет он в Отчетном докладе съезду, – мы третий раз обсуждаем национальный вопрос: первый раз – на VIII съезде, второй – на X и третий – на XII... Наш принципиальный взгляд на национальный вопрос остался тот же, что и до Октября и после», поскольку главную опасность представляет собой «великорусский шовинизм». Если, сказал докладчик, мы эту опасность «не подсечем в корне... мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что равняется подрыву диктатуры пролетариата». Позже Сталин круто поменяет свои позиции в этом вопросе и от ленинских установок временами станет отходить. Но об этом мы поговорим ниже.

¹⁵ Подробную разработку этой позиции Ульянова-Ленина см.: *Кузнецhevский В.Д.* Сталин. «Посредственность», изменившая мир. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. Глава 5. Антиподы, с. 96—156; *Кузнецhevский В.Д.* Сталин: как это было? Феномен XX века. Историческое расследование. М.: Вече, 2014. Глава 3. Судьбы разные, взгляды – тоже, с. 34–85.

Сталин отказывается от интернационализма и русофобии академика Покровского

Хорошо известно, какое огромное значение большевистская партия придавала вопросам идеологической работы. И тем не менее за весь период существования советской власти на территории бывшей Российской империи в ЦК партии было всего три секретаря ЦК по вопросам идеологии – Николай Бухарин, Андрей Жданов и Михаил Сулов. Не считая, разумеется, самого Ленина, который до самой своей смерти никому не доверял руководства идеологической работой в партии.

Н.И. Бухарина (1888–1938) на идеологическую стезю сподобил сам основатель большевистской партии. И сделал это ещё в декабре 1912 года, когда направил из Кракова в Вену никому не известного Иосифа Джугашвили для написания статьи «Марксизм и национальный вопрос», а в помощь ему определил Бухарина, поскольку Сталин не знал никаких других языков, кроме грузинского и русского.

Будущий Сталин, который в тот момент ещё носил партийную кличку Коба, Бухарину не поглянулся, но Ульянов-Ленин для Мойши Долголевского (так Бухарин называл себя в те годы по фиктивному паспорту) был авторитетом непререкаемым, все переводы с немецкого для Кобы он сделал, а написанная Кобой работа «Социал-демократия и национальный вопрос» (позднее переименованная в «Марксизм и национальный вопрос») вызвала самую высокую оценку не только Ленина, но даже и Троцкого.

А Бухарин с этого момента с подачи Ленина, который позже назовет его «превосходно образованным марксистом-экономистом», «крупнейшим и ценнейшим теоретиком партии», становится главным идеологом большевизма, бессменным членом Политбюро ЦК 1934–1937 годов – главным редактором основных печатных органов партии («Правды» и «Известий») и личным другом Сталина.

Однако в 1928 году эта благостная картина претерпевает резкие изменения. Бухарин выступил против форсированной коллективизации и с 1929 года переходит в оппозицию к Генсеку. С этого момента Бухарин теряет все руководящие политические должности в партии и в ИККИ. Но несмотря на это ещё пытается влиять на вопросы идеологии. Публикует в газете «Правда» статью «Злые заметки», изданную позже отдельной книгой, где, говоря словами Маяковского, «чистя себя под Ленина», стойко ненавидящего русское крестьянство, жёстко критикует поэзию С. Есенина и других русских поэтов. «Есенинская поэзия, – пишет он, – по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в «ухаря-купца»: в лаковых сапожках, с шелковым шнурком на вышитой рубахе, «ухарь» припадает сегодня к ножке «государыни», завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом «душевно» сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести вклад в Троице-Сергиевскую лавру «на помин души». Он даже может повеситься на чердаке от внутренней пустоты. «Милая», «знакомая», «истинно русская» картина! Идеино, – заявляет Бухарин, – Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще».

Правда, потом, в 1934 году, выступая на Первом съезде советских писателей с докладом о поэзии, Бухарин несколько смягчает свою оценку поэзии Есенина, отзываясь о нём как о «звонком песеннике-гусяре, талантливом лирическом поэте», поставив его в один ряд с Блоком и Брюсовым, но никак не может понять, что с изменением своих взглядов на русский вопрос он безнадежно опоздал: вот уже два года как Генсек правящей политической партии начинает менять идеологическую парадигму ВКП(б), резко повернув в сторону от Ленина в

одном из центральных политических вопросов в идеологии большевизма – ленинской оценке роли марксизма в большевистской идеологии и роли русского народа в Советском Союзе.

Фактически же с 1929 года должность секретаря по идеологии в правящей партии становится вакантной. Идеологические проблемы нагромождались одна на другую, а заняться их разрешением профессионально оказалось некому. Претендовавший на эту роль председатель «Союза воинствующих безбожников» Емельян Михайлович Ярославский (Миней Израилевич Губельман. 1878–1943) хоть и пытался заменить своей деятельностью уходящего из политики Бухарина¹⁶, сделать этого не смог, и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) был вынужден основные функции секретаря ЦК по идеологии замкнуть на себя.

А главным инструментом разворота в сфере идеологии было изменение взгляда на роль русской нации в развитии СССР.

Ленин, как известно, исходил из того, что русский народ во все века на территории Российской империи занимался только тем, что угнетал все другие народы и потому при образовании Советского Союза потребовал, чтобы в новом государственном образовании – СССР – были заложены гарантии избавления от якобы «векового угнетения» других наций со стороны русских в форме:

– во-первых, образования внутри СССР государственной организации наций в форме республик. В том числе и Украины, хотя украинцы никогда никакой государственности в истории не имели¹⁷;

– а, во-вторых, в официально закреплённом в Конституции праве выхода из СССР любой национальной союзной республики.

Сталин, как известно, вплоть до 1930 года стоял на позициях Ленина в национальном вопросе и в каждом публичном выступлении неизменно подчеркивал, что «решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первоочередной задачей нашей партии», так как «великорусский шовинизм отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии» (политический отчет ЦК ВКП(б) съезду партии)¹⁸.

В исторической науке главным идеологом в эти годы оставался академик Покровский, который активно позиционировал себя как верный и близкий соратник вождя в идеологии и прежде всего – в вопросе о борьбе с т. н. «русским великодержавным шовинизмом». Стоило

---

¹⁶ На самом-то деле у двух этих членов ЦК ВКП(б) было много общего. Бухарин в одной из своих статей в «Правде» ратовал за «выселение богов из храмов и перевод в подвалы, а злостных их почитателей – в концлагеря», и Е. Ярославский в той же «Правде» в те же годы писал в том же ключе: «одним из убежищ, одним из прикрытий для крестьянина, который не хочет в колхоз... остается религиозная организация с гигантским аппаратом, полторамилионным активом попов, раввинов, мулл, благовестников, проповедников всякого рода, монахов и монашек, шаманов и колдунов и т. п. В активе этом состоит вся махровая контрреволюция, ещё не попавшая в Соловки, ещё притаившаяся в складках огромного тела СССР, паразитирующая на этом теле (речь на праздновании 1 мая 1929 г.). «Союз воинствующих безбожников» прекратил своё существование только в 1943 году вместе со смертью своего председателя.

¹⁷ В июле 1930 года на московском совещании историков-марксистов основоположник послеоктябрьской советской исторической науки, идеологический и политический сподвижник Ленина, академик М.Н. Покровский (1868–1932), в своем выступлении на заседании Общества историков-марксистов (выступление дается по стенограмме), реагируя на требования украинского Общества историков-марксистов признать тот факт, что «Русская помещичье-буржуазная и мелкобуржуазная историография отрицала самостоятельность украинского народа, самостоятельность украинской истории» и требовала от русской марксистской историографии признать «самостоятельность истории Украины на всем протяжении исторического развития украинского народа» возражал: «Но Украина государственной самостоятельности никогда не имела. И во второй половине XVIII, и в течение всего XIX и начала XX века Украины как государства не было. Так что мы не понимаем, что это значит «самостоятельность истории Украины», т. е. государства Украины на «всем протяжении исторического развития украинского народа». Что же мы должны...вообразить, что в это время Николай I, Александр II и III были гетманами (Смех). – Цит. по: Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011, с. 34–41.

¹⁸ Сразу после окончания работы партийного съезда печать союзных республик широко и активно подхватила этот мотив. Так, например, газета «Правда Востока» в номере от 6 августа 1930 года, акцентируя внимание на том, что «борьба с великодержавным шовинизмом – наша основная задача», призывала «калёным железом выжечь колонизаторскую язву», гнездящуюся в толще русских коммунистов.

Покровскому в 1920 году опубликовать книгу «Русская история в самом сжатом очерке» со всеми этими сюжетами, как Ленин тут же её прочитал и 5 декабря 1920 направил академику краткое письмо:

«Тов. М. Н. Покровскому.

Тов. М. Н.! Очень поздравляю вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга «Рус[ская] И[стория] в сам[ом] сж[атом] оч[ерке]». Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские] языки.

Позволяю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить ее хронологии[еским] указателем. Поясню свою мысль примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской; с указанием] страниц Вашей книги.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую. Ваше мнение об этом дополнении?»

Фактически же, как справедливо замечает доктор исторических наук, автор фундаментальной работы «Русское национальное государство» (М., 2011, 765 с.) и нескольких школьных учебников по истории Андрей Львович Юрганов, историческая школа академика Покровского табуировала целую область знания об этапах развития нации, особенно русской.

Сочинения М. Покровского Сталину, мягко скажем, не импонировали с самого начала, но, зная об активной поддержке основателя послеоктябрьской русской исторической школы со стороны Ленина, он до самой смерти Покровского четко и недвусмысленно поддерживал его позиции, например, позицию историка о том, что в СССР строится не национальное государство, а государство мирового пролетариата. Так, когда немецкий писатель Эмиль Людвиг 13 декабря 1931 года спросил Сталина, допускает ли он параллель между собой и Петром Великим, то Генсек не задумываясь пояснил: нет, с Петром он себя не отождествляет, прежде всего потому, что Пётр Великий создавал и укреплял национальное государство помещиков и торговцев, а он, Сталин, ставит себе в задачу «не укрепление какого-либо «национального» государства, а укрепление государства социалистического, и значит, – интернационального, причем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса»¹⁹.

Не возражал он Покровскому, по крайней мере публично, и по вопросу исторической роли русского народа. Михаил Николаевич четко исходил из того, что не нес в себе русский народ никакой объединительной роли по отношению к другим народам, а был, как и указывал Ленин, «русским держимордой», угнетавшей все другие присоединенные к русскому государству народы. Так, когда председатель ЦИК Грузинской ССР Филипп Махарадзе (1868–1941), известный по конфликту со Сталиным в 1922 году в вопросе по поводу федеративного устройства СССР, в 1931 году имел неосторожность высказаться о положительном историческом взаимоотношении Грузии и России, это так возбудило Покровского, что он на Всесоюзной конференции историков-марксистов тут же взял слово и произнес: Великорусский шовинизм есть опасность много большая, чем это могут себе представить некоторые представители нацменьшинств. «Ещё раз повторяю, я считаю, что т. Махарадзе относится к нам, русским, слишком снисходительно. В прошлом мы, русские, – а я великоросс самый чистокровный, какой только может быть, – в прошлом мы, русские, величайшие грабители, каких только можно себе представить»²⁰.

---

¹⁹ Сталин И.В. Сочинения. М.: Госполитиздат, т. 13, с. 105.

²⁰ См. Юрганова А.Л. Указ. соч. С. 89.

Более того, Михаил Николаевич в основание созданной им схемы исторической науки послеоктябрьского периода заложил тезис о том, что вся русская дореволюционная историческая наука, базирующаяся на трудах Карамзина, Чичерина, Соловьева, Ключевского, других наших классиков – это наука помещичье-буржуазная, а значит – контрреволюционная. Прежде всего она является контрреволюционной потому, что в свою основу кладет историю русской нации и русского национального государства. До самого своего ухода из жизни в 1932 году Покровский боролся за то, чтобы прежнюю историю России заменить на новую, ленинскую – историю народов СССР. Характерный в этом плане пример: в августе 1928 года, когда Покровский задумывал созвать Всесоюзную конференцию историков-марксистов, то поначалу включил в структуру конференции секцию «История России». Но через три месяца спохватился и переименовал секцию – «История народов СССР», объяснив это в следующих словах: «от одной из устаревших рубрик нас избавил коммунистический стыд. Мы поняли – чуть-чуть поздно, – что термин «русская история» есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и «единой неделимой»²¹.

А вот Сталина в этом плане мучил не «коммунистический стыд», а нечто иное: соображения большой политики и судьба завоеванной большевиками в 1917–1920 годах политической власти в России.

В 1923 году, когда вся верхушка большевиков (Троцкий, Зиновьев, Бухарин, другие) ещё твердо рассчитывали на то, что в Германии победит пролетарская революция и что уже не за горами и победа мировой революции, Сталин не оспаривал ни своих коллег по партии, ни взглядов академика Покровского. Но после смерти Ленина, начиная с 1924 года, Сталин стал понимать, что геополитическая ситуация в мире стала меняться не в пользу Советской России, и он стал потихоньку формулировать тезис о возможности победы пролетарской революции в одной, отдельно взятой стране – в России. Пока только для себя, без широкой огласки. А в 1927 году ситуация обострилась ещё больше: по мнению большевистской верхушки, возникла угроза прямого военного столкновения с Западом. Сталин отдавал себе отчет, что если это действительно произойдет, то защищать большевистскую власть в стране кроме русского крестьянства и рабочего класса будет некому.

Кроме того, Генсека все больше беспокоило и то обстоятельство, что строительство Советского Союза, основанное на ленинском принципе размывания государствообразующей роли русского народа, сопровождала оголтелая политическая кампания в прессе союзных республик с призывами покончить с великорусским великодержавным шовинизмом и требования каленым железом выжечь колониаторское наследие русского царизма, всё ещё живучее присутствующее в поведении русских коммунистов. Таким настроениям в союзных республиках в значительной степени способствовала деятельность исторической школы Покровского.

Словом, Сталин постепенно пришел к умозаключению, что пришло время менять идеологическую парадигму: перейти в партийной пропаганде к внедрению идеи о том, что в историческом становлении российского государства русский народ выполнял объединяющую вокруг себя все другие народы и нации государствообразующую роль.

Внешне этот поворот вначале выглядел довольно безобидно. 27 декабря 1929 года Сталин выступает на конференции аграрников-марксистов и ставит вопрос о «разрыве между практическими успехами и развитием теоретической мысли». Этот упрек в адрес исторической школы Покровского, заключающийся в том, что предлагаемая им теория перестает отвечать нуждам практического строительства социалистического государства, никто не заметил, включая и самого Покровского. Но Сталин не успокаивается на этом и в октябре 1931 года пишет письмо «О некоторых вопросах истории большевизма», которое публикуют все москов-

---

²¹ «Отечественная история. 1994. № 3, с. 148. Цит. по: 7Орг«//овЛ. ^7. Указ. соч. С. 90.

ские партийные идеологические журналы («Большевик», «Пролетарская революция», «Коммунистическое просвещение», «Борьба классов»).

Избрав адресатом своих критических замечаний совершенно третьестепенную фигуру – историка А.Г. Слущкого (1894–1979, с 1937 по 1957 гг. – узник концлагеря в Сибири), о которой до этого никто даже и слыхом не слыхивал в исторической среде, Сталин на самом-то деле ударил по историкам школы Покровского (а других официальных историков в то время в СССР не было), упрекая их в том, что они свои труды строят на «бумажных документах», а не на реальных делах и практике большевизма. Статья заканчивалась куда как ясным выводом в этом отношении: «...Даже некоторые наши историки, – я говорю об историках без кавычек, о большевистских историках нашей партии, – не свободны от ошибок, льющих воду на мельницу Слущких и Волосевичей (автор «Курса истории ВКП(б). – *Вл. К.*). Исключения не составляет здесь, к сожалению, и т. Ярославский, книжки которого по истории ВКП(б), несмотря на их достоинства, содержат ряд ошибок принципиального и исторического характера»²².

Основной посыл письма Сталина поняли почти все группирующиеся вокруг Покровского историки, кроме самого Михаила Николаевича. Вплоть до своего ухода из жизни в апреле 1932 года он продолжал доказывать, что только он верно следовал указаниям Ленина в развитии советской исторической науки, то есть *в истории становления российского государства с древнейших времен племенной русский народ никакой объединительной миссии по отношению к другим национальностям (народам) никогда не нёс, более того, не допускал их свободного развития.*

В последнем (за 1930 г.) номере журнала «Историк-марксист» Покровский в статье «Возникновение Московского государства и «великорусская народность» отрицал даже само существование «великоруссов»: «Акто такие эти «великорусы», – писал он, – ...никаких великорусов не было вообще – на этой территории проживали финские племена, автохтоны, которые...финизировали своих поработителей». «Уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было «тюрьмой народов». Великороссия построена на костях «инородцев», и едва ли последние много утешены тем, что в жилах великорусов течет 80 % их крови. Только окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется со всем и всяческим угнетением, могло послужить некоторой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет»²³.

Сталин же, который ещё в 1913 году в работе «Марксизм и национальный вопрос» черным по белому писал, что «в России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе сложившуюся сильную организованную дворянскую бюрократию», стал понимать, что продолжение этой ещё Лениным инспирированной русофобской вакханалии может привести к распаду Советского Союза. Однако в начале 1930-х бороться напрямую с исторической школой Покровского Генсек ещё не мог. И не только потому, что Покровский и его многочисленные ученики опирались на прямую поддержку Ленина в начале 1920 годов в своей борьбе против государствообразующей роли русского народа и фактически держали в своих руках всю историческую науку вплоть до смерти Покровского.

А ещё и потому, что Генсек в эти годы был вынужден вести борьбу сразу на нескольких фронтах:

– за личное политическое выживание в схватке с людьми из бывшего ближайшего окружения Ленина (а это были не только Троцкий, Зиновьев, Каменев, но и такие, как «победитель

---

²² Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция». «Пролетарская революция». № 6 (113). 1931 г., с. 101–102.

²³ Цит. по: Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 108.

Колчака» лично знавший Ленина И.Н. Смирнов²⁴, бросивший в 1932 году в узком кругу единомышленников фразу «Сталин думает, что на него не найдется пули»);

– укреплять социальную основу политической системы СССР и проводить индустриализацию, готовя Советский Союз к неизбежной, как тогда считалось, войне с Европой и Японией;

– обосновывать концепцию возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране в условиях враждебного империалистического окружения и ещё много чего, о чём в октябре 1917-го никто даже никакого понятия не имел.

В этих условиях в ЦК был действительно нужен специальный руководитель, который бы занимался исключительно идеологическими вопросами. Исполнявший до сих пор эти функции Бухарин для такой работы не годился как в силу своей интеллектуальной слабости и психологической неустойчивости, так и в силу того, что и сам он полностью ушёл в политическую борьбу в верхах партии и при этом часто выступал совсем не на стороне Сталина.

«Ценнейший теоретик партии» к началу 1930-х годов растерял все политические ориентиры. Будучи к этому времени главным редактором «Известий», он хоть и видел, что с учением своего единомышленника академика Покровского происходит что-то не то, тем не менее 21 января 1936 г. публикует в возглавляемой им газете статью, где утверждает, что русские до 1917 года были «нацией Обломовых», а само слово «русский» употребляет как синоним слова «жандарм».

Автор статьи в буквальном смысле задыхался от презрения к коренному населению страны: «Эта расейская растяпа! Эти почти две сотни поработанных народов, растерзанных на куски царской политикой! Эта азиатчина! Эта восточная лень! Эта неразбериха, безалаберщина, отсутствие элементарного порядка!»

Как заметил в 1990-е годы в одной из своих работ известный литературовед и великолепный публицист Вадим Кожинов (1930–2001), «Бухарин не замечал, или не хотел замечать, что в стране уже начался **коренной поворот** в области идеологии²⁵. Но что-то всё ж таки его тревожило, и 27 января 1936 года он решил отмежеваться от идей Покровского и опубликовал в «Известиях» объемную статью «Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М.Н. Покровского)». Однако ему тут же дали понять, что он хоть и остается «любимцем всей партии», но сама-то партия от него уже отвернулась.

В этот же день «Правда» публикует постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о создании специальной комиссии под руководством Жданова «для просмотра, улучшения, а в необходимых случаях и для переделки уже написанных учебников по истории». Были опубликованы также «Замечания» Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР от 8 августа 1934 года. А передовица «Правды» разъяснила смысл этих документов, призывая историков к борьбе «с антиленинскими традициями школы Покровского и в методе, и в конкретной картине русской истории», к ликвидации присущих этой школе «полуменьшевицких полуцентристских идей и троцкистской контрабанды». СНК и ЦК указывали, что «задача преодоления этих вредных взглядов» имела «важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения». «Пришло время... – писал в том же номере газеты один из членов конкурсной комиссии, – чтобы мы дали нашей

---

²⁴ Смирнов Иван Никитич (1911–1936) – «победитель Колчака», арестован в 1933 г., расстрелян в августе 1936 г., через несколько месяцев были арестованы и расстреляны его жена и дочь, хотя именно под гарантии следствия, что им будет сохранена жизнь, Смирнов подписал «признание» в контрреволюционной деятельности.

²⁵ Профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.И. Вдовин считает, что причиной этого поворота стало «осознание неизбежности войны» после прихода в Германии к власти Гитлера, и что в этих условиях «в качестве силы, призванной по-новому собирать другие народы, был признан русский народ». {Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013, с. 102, 106). По большей части, наверное, так оно и было. Хотя в немалой степени этот поворот был обусловлен и тем, что Сталин понял: приход мировой революции в ближайшие десятилетия не просматривается.

молодежи учебники истории, готовящие ее к предстоящим великим боям на международной арене. История в руках большевиков должна быть конкретной наукой, объективной правдой и тем самым великим оружием в борьбе за социализм».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.